

Борис Куприянов

Ночь

Посвящается жене

Под очарованный твой кров
Замедлил я мой возвратом.

Е. А. Баратынский

1

Все известнее озеро в кроне тугой;
Горизонт назиданья, прощальный последок —
Разворот головы на сферический слой
Облаков, островов, где прославленный предок,

Намывающий ночь в теменной фиолет,
С золотою осыпкой в прореженный холод,
В образ бросит свой взор, — и, как ткань на просвет,
Оссиявает радость в воротах и за ворот.

Начинается выход, касаньем грозясь,
Истлевается пряная цвель на облатке;
Клеевая бумажная слизь или связь, —
Голод свода, свежующий взмах; и на грядке

Израстание звезд, колготящих в бутон,
Ипускающих в шелки окна и наката,
То ли свет, то ли звук, то ли взгляд, то ли стоп...
Все смолчащее слито и смято.

И, просясь, по единому слогу, в силки,
Каждый корень, наизворот павший,
Оплетает — и в подпол, в сырые лески
Плод упрячет, всю землю впитавший.

Пытан в привязях; оцет, распушка, стреха!
Отпустить восояси от мирной, от кровной
Ноздревой теплоты. Раздувает меха
Ис ковач, а толмач; и волнует неровной

Речью тою, наслушанной в ошупи лиц;
Повеленьем и вслух обернувшимся служкой!
И в густом всеязычии сел и столиц,
С медной денежкой, в ночь с погребушкой...

Долю в долю! судьбу в удержания час,
В настоятельный шаг обнищанья...
Плоть поется! и кто-то расслушает нас,
Достоверно сознав до прощанья.

Слышишь, общая оползнь — работа на мя
Присыхает, как горлом, норою,
И ведет изъяслять, вечной жадной томя,
Из колодца смертельной игрою.

В лет по воздуху вольному душу держа,
Странно строя, но с полною верой,
Наша память, как в поле небесном межа
Млечной чести серебряно-серой.

2

Досыта в тоию нято седьмин,
Захребетевших ветвей и плетений.
Небо и небель, один на один...
Лес повторивших себя средостений,
Может быть, высажен в славе такой,
Что недостоин признать. За строкой

Проще легчает. Во множество «за» —
Больше не сеется семя страданья
Литературного. Тушка-слеза
Не зависает, и в миг расставаешь
Не проживаешься кожа лица
Именем вещи. Стало из свища

Водит и ведает: смысл и нанес!
Место свидания переносимо.
И назначается часто всерьез
Туча, пльвущая мимо,
Невозвратимым путем торжества,
Царским подарком признанья;

И проступают в удел и в права
Знаки владенья. Дознания
Сам судия, полумесяц-сырец,
Препровождающий радость порыва,
Строго снимает! И делу венец —
Гость неожиданный. Сызнова сшива

Не образуется. В двух толчеях
Больше не мглы мимолетия в смену,
Но окружения жизни в очах,
В мелкий цветочек, звездящий колено:
С лету, со стрекоту — плас кузнеца;
Искр изныванье, зола и пыльца...

Что же, огни на горе и в саду —
Это немало для каждого вместе
С тем соглядатаем, что на виду
Ночью и днем; а в заквашенном тесте...
Зорю румяную процитируй,
Тяжко сминная крутые бока.

Должно засказывать близость и связь,
Переводиться повтором, и даже —
Слыть краснобаем, над слитком склонясь;
И, оставаясь, питаюсь на страже,
Бросом бодриться, остатком для тех,
Кто восторгает заботой и болью

Все полюбленица! Слабость и грех
Взяв из себя и возвышенной ролью
Спрятав глаза, на рассыпанном дне...
Мчать, волочиться, срываться во сне;
Падать на теплые локти весны!
В месте свидания мы сведены

Местом и временем. Время и речь —
Преодоления густого простоя.
О, ничего не держайте сберечь,
Кроме как самое слово простое,
А нахождение усилить молвы —
Крепость веков; прирастанье листны

Снегом, дождем, прикипевшей грозой,
Беличим шумом и птичьим испугом,

Светом зеленым, огнем с бирюзой —
Все к одному и в единстве друг с другом,
Не отчуждаясь ни в чем из добра,
Нам любоваться любовью пора.

Разумом знаю, в рождение рожден,
Куплен ценою и клетью не скрытен,
Жаждал женою, дремал с полуден
И в постижении жил ненасытен;
Лязгал зубами, ость и устав...
Вот водоной в царскосельских верстах!

Кроме как омут не зрю, отразясь,
А глубиной недостало заняться.
Пью и качаюсь, стеною внясь;
Не измениться, чтоб с небом обняться...
Длань завожу до усердия глаз,
Голос держу, созная рассказ.

Вся от ногтей по представленным дням,
Словно строительный возглас, вечерит, —
Дорого бродит, а в ночь по огням,
По опцветаниям удостоверит;

Духом дыша из-под крыш и камней,
Жизнь прошивается светом сильней,

Чем по себе остается самой;

Рядится, деет полдненья и траты;
Но за всеобщей звездой световой
Распространенья, разъятья, раскаты —
То, что бывает, и то, что пройдет:
Лед и оглушье, жаровня и мед.

В ночи к исчисленным, — и без числа,
На подпадении слышащим чисто, —
Всем, кто сидит и стоит у стола,
Место и время, а местность горниста,
Роща ветвиста, речиста река...
Ночь не проходит, яснее слегка.

В очередь кончилась мгла на юру.
Холод сверканья захватан белесым
Сном монотонным. В прохладном нару
Каменотес, проследив за колоссом,

Сослепу, спрятав затылок в крыла,
Цертит кривую проходку дыхания,
Еле возможным ударом стебла —
Посоха холода в землю светанья.

Значит ли? Тонкая поступил грань
В рань предрассветную больше, чем значит;
Или опять возложившие длань
Пробернутся, простынут, проплачут —

Год напролет, набивающий шаг,
Только за тем, чтобы тешиться тенью!
На иноходь понадеюсь за так,
На непролазном стремтенье к хотенью.

Смена до света огульных вершин
Чтит шевеленья в губах сердобольных.
Даже!.. и только тогда... порошин
Пороха вихода течений продолжных.

В кружеве жадных зарниц на цветах,
Ласки оскала в промיתости взгляда;
И потепления тьмы на пятах —
Общее отчее чувство наряда

Снизанной нити живого ковра
В подразделеньях челночных находок:
Травли, печати, зарезки, гавра —
Всех заселений, окраин, слободок!

Окон — икон в набухающий свет,
По инородству протолкнутой крови!
В порах сетчатых, расцветных помет;
В духе и в доме, в молчанье и в слове
Важно забыть о привязанных днях,
Тем осторожней исправить виденье
Лиц, надзирающих солнечный стяг,
Вдавшихся в смысл и состав повеленья.

Чаще, чем грезится, встреча и лик
Так высоки и в таком полновластье,
Что невозможно, чтоб взгляд не проник,
Страхи минуя, сомненья и страсти,

Певец задремал, и цевница пристыла.
Заснула земля, как младая могила.
Вся свежесть, вся аура, вся пестрота
Висит над плитой, как вторая плита.

Задумался странник, зазнался отшельник...
Глядит друг на друга: Шаляпин и «Мельник».
Персона и самость, шинель и швея.
О, бедная, страшная скупость моя.

Заплачет черныльница — ночь Украини!
Цевница сольется... Спроси у долины:
«Зачем ты щедре, а писатель — глоток,
Как сорванный с теплого древа квиток?»

Да в том-то, наверное, все и связалось,
Что нету вакансий писать, а писалось
В руке, заговорной чым-то жезлом.
Тому, кто умел обращаться с крылом.